

Марк Довлатов

Стиг

&

Sex

Марк Довлатов
Стыд & Sex.
Эротические рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28721533

ISBN 9785449021519

Аннотация

Вы что, правда, собрались это читать?! Да боже вас упаси!
Даже и не думайте – Мишка и Белка тут такое вытворяют, что вы
просто от стыда умрете!

Содержание

Стыд	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Стыд & Sex

Эротические рассказы

Марк Довлатов

Фотограф Екатерина Александровна

© Марк Довлатов, 2019

© Екатерина Александровна, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4490-2151-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вы что, правда, собрались это читать?! Да боже вас упаси!

Даже и не думайте – Мишка и Белка тут такое вытворяют, что вы просто от стыда умрете!

Стыд

Михаил ощутил себя идущим по аллее парка – был вечер, тепло, гравий колот ступни: они были босыми. Он опустил глаза – ноги все были голыми, покрыты местами какой-то белой пеной. Легкая тревога поднялась от желудка вверх, он поднял перед собой руки, опустил голову, повертелся – на нем не было ничего, кроме хлопьев мыльной пены. Он поднял голову – по аллее навстречу ему двигались людские фигуры, слышался легкий говорок; он прыгнул вправо и спрятался за кустом. *Что за хрень такая, твою ж мать, как ты здесь оказался. И сигарет нет. И до дома три километра. Подождать, что ли, до ночи. Есть охота, надо как-то двигать. Слушай, а пена на тебе зачем. Вот тебе и одежда. Не видно почти ничего. Давай. Идем? Ну идем.*

Михаил на цыпочках выбрался из-за куста на дорожку, разогнулся, осмотрелся, убрал ладони с причинного места и потихоньку двинулся вперед. Холодок вечера оведал его брненное тело, в душе тлел фитилек стыда. Навстречу ему шли четыре девушки, они оживленно болтали и хихикали, но на него не смотрели. Он внутренне сжался, но прикрываться не стал. Девушки мирно прошли мимо, взгляды их не прожгли в его шкуре дыр, но за спиной у себя он услышал взрыв смеха, остановился, факел внутри него ярко полыхнул, он оглянулся и встретился взглядом со смеющейся

рыжей девчонкой – она ловила его взгляд и опускала глаза вниз; он развернулся и припустил вперед со всех ног.

Михаил открыл глаза. *ТЬФУ, бл..., так это сон! А чего ж это в душе гвоздик, будто на самом деле было. А курить как охота! Давай вставать. Ну давай.* Он откинул одеяло, спустил ноги и побрел в ванную. Вентилятор приветственно загудел, душевая кабина засветилась бледно-голубым, он забрался в нее, открыл краны и запрыгал под упругими горячими и холодными струями. Пена от геля напомнила сон, он попытался вспомнить, как выглядели те девчонки, не смог, но эрекция заявила о себе в полный рост. *Ну и чего ты заторчал, эксгибиционист ты мухосранский. А что. Тебе же было приятно. Стыдно, но приятно. Эдакое приглашение. А чего они смеялись. Ничего смешного. Аполлон вон все время голый ходил. Да, Аполлон. Им там легче было. Все себе голые ходят круглый год. Нимфы там, богини, сатиры разные. Да, так они же ВСЕ голые были. А тут девчонки одетые... Точно, это ж даже раздел такой есть на порносайтах «одетые женщины – голые мужчины». Точно. Получается какой-то мазохизм: тебя голого вводят в приличное женское общество, и первое твое чувство – стыд. Потом торч. От стыда? Ну выходит. Вот дурацкая схема. Идем уже кофе пить.*

Михаил еле дождался от кофеварки кофе, забрал бабушкину кружку, сёрбнул и с наслаждением закурил. Ни к селу,

ни к городу он вспомнил, как они с Белкой поднимались как-то в лифте, он прижал ее к стенке, задрал подол и засунул руку в трусики: она бешено отбивалась, сдавленно кричала, что сейчас кто-нибудь зайдет, а он трогал ее и трогал, и она кончила на пятом этаже и еще минут десять не могла прийти в себя на площадке, тяжело дышала, махала на лицо ладоньками, но яркий румянец на ее розовых щеках держался весь вечер. За столом на дне рожденья она часто смеялась, накрывала колени Михаила скатертью и забиралась ладонью ему между ног, а когда начались танцы, крепко прижалась к нему бедрами и объявила ему на ухо, что сняла трусики и сейчас... А он ей шептал в ответ, что вот сейчас задерет ей юбку и покажет всем ее розовую попку. «Ну и давай, а я твой стручок достану!» Белка матляла юбкой как в ламбаде, вертела бедрами, вскидывала длинные ноги, бросилась танцевать с Тимкой, а Михаил упал на спину на диван и смотрел на них снизу вверх; что-то в нем замирало в тревожно-сладком ожидании, в голове мелькнула мысль, что он хотел бы увидеть ее сейчас на столе, танцующую канкан, и тут же подумалось, что тогда пришлось бы ее задушить. Они ушли рано, целовались в лифте так, будто расставались на всю жизнь, в машине он таки задрал ей юбку, протиснул ладонь меж бедер, внутренняя сторона их была влажной. Мотор утробно заурчал, Х5 рванул со стоянки, и Белка расстегнула zipper на его джинсах: «Я буду переключать скорости!», потом опустила голову под руль. «Стой, убьемся к черту, погоди!» —

он резко свернул вправо, в переулок у парка, остановился и сдвинул кресло назад. Белка оседлала его, задвигалась, кусала его за шею, сжимала бедрами, целовала в губы, щипала за соски, потом вдруг резко выгнулась назад, уперлась в руль, раздался сигнал, заглушивший звуки двойного оргазма, она отодвинулась от руля, обняла Михаила руками за шею и так замерла. Он опустил стекло, ворвавшийся прохладный ветерок студил кожу, с противоположной стороны улицы на них смотрела парочка: подростки лет по шестнадцать, в драных джинсах, пырсали в кулак, потом развернулись и бросились в подъезд.

Михаил допил кофе, загасил сигарету и побрел в гостиную, улегся на диван и положил на живот ноутбук. *Надо проверить, как там твои еретические гаджеты поживают.* Он загрузил свой сайт, посмотрел статистику: движение было, но квёлое – август. *Люди сейчас о море думают, ласты покупают, купальники. Им и без твоих гаджетов хорошо.* Он вспомнил первую поездку с Белкой на море, в Шарм, ощущение горячей девичьей кожи у себя на кончиках пальцев, потом холодной и мокрой, в воде, затем в воздухе, на парашюте. *Господи, что мы только не вытворяли, по пять раз в день.* У него до сих пор в телефоне на фотоидентификаторе стояло фото Белки с коктейлем в руках и трубочкой во рту – она улыбалась. Это был ее день рождения, после ужина они из бара перебрались на крошечный остро-

вок посреди бассейна, расположенного перед террасой отеля, спрятались за тростинками трех пальм, он поднял ей платье и трогал клитор языком, пока она не кончила, почти подавив в себе стон, а потом она трогала его член, опустилась на корточки и довела его до оргазма, подставила бокал с коктейлем и размешала трубочкой. Но этого им показалось мало, они вернулись по мостику в бар, потом на террасу, сели за столик и пытались рассмотреть, видно ли их было на острове. Белка тянула коктейль, улыбалась, краем глаза поглядывала на прохожих, желание опять возвращалось к Михаилу, вот тогда он и щелкнул ее телефоном. Он много фотографировал ее и раньше, и потом, но те фото никому нельзя было показать, хоть часто и хотелось похвастаться, какая у него классная девчонка и что она делает и позволяет делать с собой. Это было его тайной, единоличное владение которой доставляло ему невыразимое удовольствие, а нереализованное, но потенциальная возможность кому-нибудь показать эти фото добавляло всей идее острой пикантности.

Михаил закрыл браузер, открыл проводник, на диске D:\ нашел скрытую папку BB – в ней лежали запароленные архивы. Sharm2015.rar, пальцы сами набрали пароль. Первое фото было темным – возвращались они из ресторана в номер через пустой ночной пляж, Белка стянула через голову свое серебристо-перламутровое платье, сбросила босоножки и принялась бегать голышом по песку и кромке воды, оглашая воздух криками восторга, пока не увидела метрах в два-

дцати от себя темную фигуру в форме отельной секьюрити, тогда она завизжала, спряталась за Михаила, а он развернувшись, обнял ее, нажал на плечи, «присядь, так тебя не будет видно», «ну Мишка, ну потом, он же смотрит, стыдоба какая!», «да темно, он не видит», «вот откушу его в темноте, будешь тогда знать», «ну давай чуть-чуть, символически».

Дальше шли фотографии из номера: Белка была в ударе, он тоже. Тело девушки покрывала пена шампанского, соски прорывались сквозь кружки апельсина, кожа была извозюкана кремом от торта, а из самого оттуда виднелся черенок банана. На следующий день Белка стала требовать, чтобы он удалил фото, хмурилась и краснела – он и удалил при ней, но перед тем, ночью, предчувствуя такой оборот дела, он скопировал их на карту памяти – такое потерять было совершенно невозможно. У них давно был снят вопрос доверия, Белка уже не спрашивала каждый раз, покажет ли он эти фото мальчишкам, но обычно на другой день утром стыд накатывал на нее неудержимой волной, и она хотела увидеть сам процесс удаления. Это даже не обижало Михаила – он видел на секспипл.ру множество интимных фото с подписью «моя бывшая» или просто «моя». Серьезного желания поделиться своими сокровищами у него не возникало, только иногда он мог себя побаловать, представив в потенции такое действие. Уже одна мысль об этом его страшно возбуждала.

Михаил потянулся, закрыл крышку ноутбука и отправил-

ся на кухню покурить. Два года жизни вместе с Белкой совсем не насытили его, секс с ней не приелся, удовольствие было по-прежнему острым. Особенно он любил подвести ее к порогу стыда и заставить его переступить: она в этот момент была просто прекрасна. Он ловил взглядом ее боязнь, сомнения, тревогу, а потом появляющуюся решимость прыгнуть – он хватал ее за руку, и они вместе падали в Ниагару наслаждения. Выныривала Белка счастливая, покрасневшая, часто смеющаяся, а потом постепенно, через день-два стыд возвращался, и надо было начинать весь путь сначала. Михаила это не угнетало: сам процесс переступления сакрального Порога нравился ему больше всего – удовольствие после этого молодело и напиткивалось пряностями и фантастическими ароматами. *Может в этом и есть секрет твоего постоянного голода: все уже вроде пробовали, а желание не ушло, не заснуло – вы каждый раз прыгаете в котел с кипящим молоком, как Иван-Царевич, и выпрыгиваете снова голодными, набрасываетесь друг на друга как в первый раз. Каждый раз ты не знаешь до конца, как она отреагирует, как воспримет твою фантазию, что из этого получится; ты бредишь по джунглям без дороги в поисках сокровищ, закопанных пиратами, прорубая себе дорогу зазубренной абордажной саблей. Огонек ожидания все время теплится у тебя в душе, согревая тебя в зимнюю стужу жизни.*

Михаил разархивировал файл Krit2016.rar, в папке лежали фотографии обнаженной Белки на краю утеса над морем,

она вскинула руки, готовая взлететь, как Ника, богиня победы. Фотографии были просто роскошными, он часто их смотрел. Был там и видеофайл, который он достал с карты памяти разбитой им чужой видеокамеры: в БДСМ-баре «Минотавр» какой-то кадр подsunул Белке косяк с травой, пока Михаил ходил за коктейлями, потом она исчезла из зала, и нашел он ее только через полчаса в лабиринте, разделенном на маленькие кабинки – она была пристегнута к Х-образному кресту, туника ее была задрана, и тот парень водил страусовым пером у нее между ног; за ним на треноге мигала красным огоньком камера. Этот файл ему всегда было стыдно смотреть, но удалить он его не мог – это была непристойность в чистом виде: Белка с другим мужчиной, которого он может даже и убил потом треножником камеры, по крайней мере, упал тот замертво, а проверять было некогда. Михаил много раз после этого прокручивал в уме воспоминания о том вечере, вытаскивая на свет божий свои ощущения: несмотря на ревность, на Белку злости почти и не было, а было какое-то странное чувство даже как бы и гордости от того, что на его подружку польстились в самом центре средиземноморской цивилизации, а не просто на танцах в Мухосранске. Да и распятой Белка смотрелась уж очень хорошо, он жалел, что не было времени с ней тогда там поиграть в Персея и Андромеду. Бывало, что он пристегивал ее дома наручниками к кровати, она не очень и кобенилась, а ощущение страха ушло у нее после первого раза. *И поче-*

му тебе это так нравится. Ты и не делаешь ничего такого, чего нет в обычном сексе, зачем же тебе эти железки. Разве ты можешь заставить ее что-нибудь сделать, если она сама не захочет. Нет. Она позволяет тебе себя привязать, вручает тебе ключ от иллюзии твоего всемогущества, и это тебя страшно заводит.

В тот вечер после «Минотавра» адреналин никак не хотел выходить из его крови, он был страшно возбужден тревогой, ревностью, агрессией и воспоминанием о распятой девушке. Они возвращались пешком в отель, и Белка, не отошедшая еще от кайфа, затащила его в магазинчик со всякой бутафорской дребеденью, где они купили маску быка и кожаный ошейник с поводком, «чтоб я никуда от тебя теперь не делась». В номере Белка, окутанная флером чувства вины и зеленого кайфа, ластилась к нему и предлагала наказать ее, хоть она «ни в чем, конечно, и не виновата, он сам меня увел, я и не помню ничего, я ничего такого и не делала, ну давай, мой бычара страшнющий, накажи меня своим бычьим... я на все согласна, привяжи меня к кровати, мне тааак хочется, пусть я буду твоя Пасифая, ну давай, Мишутка, давай скорей, уже сил совсем нет, еще оттуда хочется». Она быстро разделась, нацепила ошейник и улеглась на живот, распластав руки и ноги Андреевским крестом. «Оттуда?! Так ты с ним хотела?!» – он схватил кончик поводка и влупил ей по заднице. «Ой, ну я с тобой хотела, а ты куда-то делся!» «Со мной?! Ну вот щас получишь!» – он просунул левую ру-

ку ей между ног, поймал за клитор и стал таскать его, а правой легонько стегал ее кончиком поводка по попке, потом вошел в ее лоно и стал двигаться в диком ритме. Белка извивалась под ним, стараясь высвободиться, стонала, срывалась на крик, бедра ее дергались в нонстоповом оргазме, а он никак не мог ни кончить, ни успокоиться, совсем выбился из сил, откатился в сторону, нашарил на тумбочке пачку сигарет и закурил. Девушка пристроилась к нему сбоку, гладила рукой все его тело, целовала грудь и теребила мошонку. «Мишка, а скажи честно, ты меня захотел там... в подвале, когда увидел... на кресте». Дикий спазм свел его бедра, он вскочил, развернул Белку на спину и сел сверху: струи горячей белой жидкости покрыли ее живот, грудь, шею и подбородок.

«Ну вот и хорошо, вот и все, ты теперь успокоишься, все кончилось, все прошло, все хорошо... Ты знаешь, я три раза сегодня кончила под тобой, никогда такого еще не было».

«Это потому что по заднице получила?»

«Нет... не знаю... хотя... я думаю... Скажи, что не будешь злиться».

«Не буду. Говори».

«Когда ты меня сейчас своим бычачьим... это... ну, наказывал... у меня в голове картинки всякие выскакивали... я и не думала об этом... они сами... не будешь злиться?»

«Ну нет, я же сказал, говори, мы же всегда правду друг другу говорим».

«Нууу... вот ты мне так засадишь по самое нимагу, а в голове картинка появляется: я в подвале, а он мне пером там водит, и тыходишь. Такой стыд нападает, аж ужас просто, и я сразу кончаю! Не злишься? Ну я не виновата, Мишка, я об этом и не думала, оно само. Ты меня будешь теперь любить?»

«Ох и сучка ты моя любимая. Ну что с тобой делать. Будем любить тебя по-всякому».

«Да знаю я твое по-всякому. Это куда? Опять в попу, да?»

«Ну согласись, что с тебя бонус за сегодня».

«Да я согласна. Сейчас уже? Идти в ванную?»

«Да погоди, пошли на террасе посидим, остынем. Курить охота».

«Ну пошли. Где это мой халат».

«Не нужно халат. Так пошли».

«Так я же вся в твоей... теку просто. Как Снегурочка».

«Не страшно. Посидим на газоне. Удобришь почву».

«И мы будем голые там сидеть?! Там же даже забора нет. А если пройдет кто?! А я вся...».

«Ну опять от стыда кончишь. Пошли, Бельчонок, пошли, маленькая».

«Ну пошли, что с тобой делать. И ошейник не снимать?»

«А как тебе хочется?»

«Нууу... мне хочется, чтоб все знали, что я твоя. Хотя это стыдно так ходить. Я бы умерла наверно, если б меня так увидели».

«Так мы и не идем никуда. Просто посидим».

«А скажи честно. Скажешь?»

«Скажу. Что».

«А ты хотел бы, чтобы меня так кто-нибудь увидел?»

«Честно?»

«Честно».

«Хотел бы».

«Так ты меня совсем и не ревнуешь!!!»

«Ну что ты, маленькая. Ну так, теоретически хочется немножко. А показать – ни в жисть».

«А зачем тебе это?»

«Нууу... погордиться чуть-чуть».

«Чем?!»

«Тобой».

«Как это».

«Ну вот идем мы с тобой, одетые, рядом. Может, мы и не спим вместе, никто не знает. Никто и представить не может, что ты делаешь. А хочется, чтобы знали. Знали и завидовали».

«Так может ты меня немножечко люуубишь?!»

«Ну конечно, моя хорошая».

«Правда?!»

«Правда».

«Мишка».

«Что».

«Щелкни меня сейчас. Как ты хочешь. На траве. Только

я глаза закрою».

«Серьезно?!»

«Ну да. Вот поедешь куда-нибудь в командировку... далеко-далеко... где меня никто не знает... и никогда не узнает... и погордишься немножко. Только дома – ни-ни!!! Никому!»

«Ладно, Бельчонок. Раздвинешь ножки?»

«Ну это уже вообще стыдоба будет ужаснющая!!! И так я вся в твоей...».

«Семь бед – один ответ. Ты же глаза закроешь».

«А ты меня потом не брооосишь?!»

«Да никада!»

«Ну лааадно... Давай».

Белка сошла с террасы, села на газон, оперлась на локти, откинула назад голову с закрытыми глазами и медленно раздвинула ноги. Михаил поймал ее в кадр, проверил, стоит ли вспышка на автомате, поискал пальцем на экране кнопку с пиктограммой фотоаппарата и услышал сзади легкий шорох шагов; девушка вскинула голову, глаза ее расширились от ужаса, он клацнул спуск, Белка вскочила и бросилась в номер, он клацнул еще раз вдогонку и сам в два прыжка оказался на террасе. Он вошел в номер: Белка, как была голая, прыгала на кровати, щеки ее пламенели.

«Он меня видел?! Видел?»

«Почему ты думаешь, что это был он. Или тебе так хочется».

«Ну Мииишка!!! Я и так щас умру от стыда!»

«Ну да, умрешь. Ты у меня еще та развратница. Признавайся».

«Ну в чем?!»

«Писюнчик мокрый? А ну иди сюда. Ну конечно. Кто бы сомневался. А ну ложись быстро, раздвигай ноги, попробуем тебя, посмотрим, какой твой стыд на вкус».

«Ой, Мишка, хорошо как! Сильней! Ооой, щас я...».

«Нет, уж, пагади, Кончита ты малолетняя, пошли в душ», – он схватил девушку за руки, поднял с кровати и забросил на плечо, она визжала и дрыгала ногами.

«Ну ни-ха-чу! Пусти! Опять надругаешься над бедной девочкой!»

«Пошли, бедная ты моя девочка. Ты уже соглашалась же сама. Про бонус помнишь?»

«Ну не надо, Мишка! Ну я там хочу! Ну ты сам виноват! Сам меня...».

«Ну и там будет. Становись лошадкой. Сейчас мы тебя помоем... так...».

«Ой, ну стыдно так! Дай я сама».

«Ну вот... теперь намажем... и так потихонечку... вставим...».

«Ну больно!»

«Расслабься. Щас мы твой писюнчик потрогаем... и потом попунчиком займемся...».

«Страшно, Мишка!»

«Я чуть-чуть, не бойся. Все. Не больно?»

«Ну стыдно, умру щас! Ну куда ты его вставил!»

«Ну туда. Все, все уже. Тихо. Потрогаем тебя. Надутая. И сосочки торчат. Заведем вот часы. Приятно?»

«Ну гадский ты пиратище!»

«Перестать?»

«Убью тебя щас! Трогай!»

«Вот, двигаемся... трогаем...».

«Ооой, я... я щас...», – Белка дернулась вперед, выскользнула из-под Михаила, свернулась на дне ванной калачиком, сжала бедра с ладонью меж ними, замедляла движения ног, пока не успокоилась под теплыми струями душа.

Они лежали на кровати голые и мокрые, Михаил забросил руки за голову, Белка легонько гладила его кончиками пальцев во всех местах.

«Такой день был буйный. Устала ужасно. Ты меня любишь?»

«Конечно, маленькая. Мне даже кажется, что я тебя еще больше люблю».

«Правда? А почему?»

«Не знаю. Ты мне как-то ближе стала».

«А я после бара думала, ты меня убьешь. Или бросишь».

«Конечно, убью. По заднице будешь получать регулярно».

«Ну это ладно! Лишь бы ты был со мной».

«Ну куда мы с тобой друг от друга денемся. После всего».

«Никуда?»

«Никуда. Давай спать».

«Ну давай».

Михаил выключил воспоминания, убрал с живота ноутбук и бросился на кухню – курить хотелось ужасно. *В командировку, что ли, съездить. Погордиться. А то так и не собрался. А разве ты внутри не гордился. Ну конечно, чаша гордости твоей переполнена до краев. Да тебе и не нужны другие. Это твоя тайна. Пусть так и будет. Хранимая, она растет у тебя внутри, разменянная – превратится в ничто.*

Он загасил сигарету, вымыл кружку и пошел собираться на встречу – нужно было позаниматься и делами. Часа два он ездил на своем Х5 по городу, а в голове и без ноутбука работал просмотр фотографий: они всплывали в памяти сами собой во всех подробностях.

Все, не могу больше. Он затормозил у супермаркета, купил самую большую коробку «ассорти», бутылку холодной колы и поехал в больницу. На стоянке он закурил и увидел, что окно в кабинете Белки приоткрыто. Забрав пакет, он пропрыгал ступеньки входа, прошел вестибюль и свернул налево – ему нужен был последний кабинет.

Михаил тихонько приоткрыл дверь и просунул голову в проем: у стены, чуть согнувшись, стояла рыжеволосая девушка в белом халате, она расставляла на полке папки; солнце из окна пронзало тонкую ткань, под которой свободно колыхались груди.

- Привет, Бельчонок.
- Ох, Мишка, напугал меня!
- Конечно. Голой под халатом не страшно ходить, а тут я – ужас сплошной.
- Ну жарища страшная!
- Я тебе колы холодной привез.
- Правда? Давай скорей!
- И конфету.
- Ничёсе, конфета! Ты провинился? Признавайся!
- Соскучился просто.
- Ну ты брихун какой! – щеки девушки порозовели.
- Ты у меня такая красивая.
- Ты что это, заболел? – Белка подошла и провела ладонью по ширинке его джинсов.
- Да, хворь напала с утра. Работал, работал – не проходит. Вот решил заехать. Полечиться.
- Ну тут же люди ходят, Мишутка. Может, уже вечером.
- Так обед щас. А до вечера я могу и не дожить.
- Ну придумал тоже – не дожить. Ну помучься немножко – тебе полезно. Не все же мне одной.
- Да я уже до самого до... умучился. Спасать меня надо. Срочно.
- Да ты знаешь, сколько у меня работы! Посиди пока на диванчике, водички попей.
- Ну давай посидим. Садись сверху. Давай скорей.
- Ну что с тобой делать, иди двери закрой.

Михаил подошел к двери, повертел английский замок вправо-влево и вернулся на больничный диванчик. Белка подошла к нему и уперлась своими коленями в его, он нагнулся и провел ладонями по ее икрам, бедрам, захватил и сжал ягодицы, потыкался носом в упругие груди, покусал торчащие соски прямо через халат. Через халат трогать ее было даже приятней: это было ощущение, несущее в себе следующее действие, и он его совершил, расстегнул верхние пуговицы, засунул руку внутрь, поймал ее упругие груди, потянул на себя, сжал пальцами соски, услышал «ооох!», приник к ним ртом, сосал их так, будто это был источник вечной жизни. Девушка поддерживала грудь снизу рукой, она поила его собой, отдавала себя щедро; спина ее выгибалась и голова запрокидывалась назад. Она села к нему на колени, Михаил сдвинул в сторону трусики и запустил руку внутрь: там было мягко и влажно. Белка расстегнула zipper его джинсов, достала член и уперла его себе в клитор, ахнула, сдавила член изо всех сил, сжала мошонку и впиалась губами в его губы.

- Стой, отдохни немножко.
- Так ты не хочешь?!
- Хочу ужасно с самого утра.
- Так что?!
- Так долго хотел – жалко, если быстро кончится.
- Я так не могу! – она приподняла бедра и запустила член в себя, – давай!

Руки его ухватили девушку за ягодицы и прижали ее к бедрам, она спружинила, отодвинулась назад и двинула бедрами сама, потом еще и еще.

— Бэла, ты помнишь, что сегодня со..., — дверь резко открылась, и на пороге застыла черноволосая девушка, глаза ее полезли на лоб, она закрыла рот ладошкой, — ...совещание... ой, извините!

Белка на секунду обернулась через плечо, потом обняла Михаила за шею, двинула бедра вперед, сжала их, закричала, забилась в конвульсиях, впилась в его шею зубами, вонзила ногти ему в спину и потом резко вскочила на ноги — дверь была закрыта, в комнате никого, кроме них, не было. Она подошла к двери и закрыла ее на замок, вернулась к диванчику, опустилась перед ним на колени, положила на него руки и сверху голову.

— Ну вот. Что теперь делать.

Михаил гладил ее волосы, спину, соскользнул вниз и обнял ее за плечи.

— Ну что делать. Большое дело. Обед. Можешь ты пообниматься немножко.

— Это было похоже на обнимашки?

— Ну а что. Ты же в халате. Со спины не видно ничего было.

— Да? А я случайно не кричала?

— Не, ты что!

— Правда?

– Ну да! Да она и ушла сразу. До того как.

– До чего.

– Как ты кончила. Хорошо хоть?

– Не то слово!!! Я думала, я умираю. Как увидела Маринку, сжалась вся, хотела остановиться, а оно как бахнет! По-моему, я потеряла сознание на секунду. Открыла глаза – круги белые плавают. Никогда так не было!

– Ну вот и хорошо.

– Ну где ж хорошо, Мишутка! Во мне стыд до сих пор клокочет. А еще на совещание идти. Провалиться хочется сквозь землю. Как я на нее теперь смотреть буду. Госпади! Пять минут осталось! А мне еще одеться!

– Я думал, ты так и пойдешь.

– Ну убью тебя щас уже! Езжай домой!

– Как домой?! Сама кончила, а я?!

– А ты подожди. До вечера.

– А если умру?

– Мишунчик, ну я отработаю, ну беги, мне пора. Красная я?

– Ты просто красавица! Дай я тебя щелкну.

– Ну не надо! Некогда! Ну что ты будешь с тобой делать!
Ну что за напасть такая!

– Снимай трусики, а то не уйду.

– Ну подлец ты какой! Ну вот, все, давай быстрее!

В дверь постучали: «Бэла! Идем!».

– Все, я побежала, выйдешь через пять минут, пока.

Михаил сидел в кабине Х5 на стоянке больницы и жадно курил. Почему-то только сейчас ему вспомнилось, как он ночью пробирался в кабинет главврача – искал фото Марины, которые та высылала ему по почте, а потом, в преддверии свадьбы захотела удалить. Он тогда вычистил комп главного весьма успешно, свадьба прошла на ура, а файлы, по обыкновению, он сохранил у себя, хотя ни разу с тех пор и не смотрел. Все в больнице знали про Вячеслава Ивановича и Марину – они не перестали встречаться и после свадьбы, Михаил сам видел, как тот выходил из ее кабинета, проверяя ширинку. Через минуту он стоял напротив девушки в бывшем кабинете Белки, а она, полыхая румянцем, не очень успешно пыталась застегнуть верхнюю пуговицу халата, что его несказанно обрадовало – повод для ревности испарился.

Вертеп настоящий, а не больница. А впрочем... везде, наверно, так. И ничего с этим не поделаешь. Ладно, поехали домой.

По дороге домой Михаил заехал в супермаркет, купил сосисок, батон и коробку пирожных. Дома он сразу разделся и пошел в душ, долго поливал себя струями горячей и холодной воды, потом сидел на кухне и курил. Уже на диване, с ноутбуком на животе, он нашел на диске D:\ архив МК. rar, развернул его, поклацал фото черноволосой девушки, а видеофайл сбросил на медиаплеер. Глаза закрывались сами, он

ушел в спящий режим.

Он был в бывшем кабинете Белки, Марина расстегивала халат, опускала вниз трусики и спрашивала: «Хочешь посмотреть? Как я тебе? Что тут такого стыдного. Нравится?», из холла доносился скрежет ключа в замочной скважине, пальцы задвигались у него в паху.

– Нравится ему? – Михаил резко открыл глаза: Белка стояла перед диваном на коленях.

– Ох, а я подумал...

– Что?

– Что ты уже никогда не вернешься.

– Ну чего это вдруг.

– Нууу... повысят тебя... до любовницы Вячеслава Ивановича, и будете вы с ним... в его кабинете...

– Ну дурак ты какой у меня! Не напоминай мне о кабинете!

– А что там.

– Да совещание же было.

– И что было.

– Анна Сергевна все спрашивала, чего это я такая взломаченная.

– А Маринка?

– Глаза прятала.

– Вспоминала, наверно, как они с главным там... как она под столом...

– Она?! Под столом?!

– Ну да, я же тебе говорил, я файл у него нашел, в компе.

– Не помню! Стер?

– Нет.

– Нет?! Смотрел?!

– Да нет, клянусь, только сегодня вспомнил, что он у меня есть.

– А зачем он тебе?

– Да просто лежал.

– Так удали!

– Конечно. А ты не хочешь посмотреть?

– А мне зачем?!

– Нууу... может, тебя твой стыд попустит...

– Ты думаешь?

– Или уже?

– Да как вспомню, так жар в груди и подымается! До сих пор! Ужас!

– Включить?

– Ой, не знаю. Ну включи. Все равно уже.

Михаил взял пульты от телевизора и медиаплеера, нашел файл и запустил. На экране появился длинный Т-образный стол, потом камера опустилась, и под ним показалась голова черноволосой девушки между мужских ног – она усердно работала губами, глаза ее смотрели вверх, член рвался вперед, раздалось какое-то подобие рычания, голова девушки дернулась назад.

– Боже ж ты мой! Маринка!

– Ну вот, а ты просто пообнималась.

– Но я же к ним туда не зашла!

– Ну вот сейчас как бы и зашла. Ты видела. Ты знаешь.

Полегчало?

– Ох, Мишка. Тепло в груди. Не проходит.

– Ну еще таблетка не растворилась, щас пройдет. А ты пока поработай.

– А как ты хочешь.

– Ну как-нибудь. По-простому.

– Ты хочешь, чтоб я как она!

– Ну а что тут такого стыдного. Ты же так уже делала.

– Делала.

– Ну вот.

– И каждый раз тепло в груди.

– А внизу мокро? Честно скажи.

– Я уже не хочу сегодня, Миша.

– А бывает мокро?

– Ну перестань!

– Ну скажи.

– Ну бывает! И сейчас! Опять. Хоть застрелись!

– Да что ты, глупая. Это же хорошо.

– Да уж, хорошо! Стыдно!

– Почему это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.